

Редкие огни дробили двор на свет и тень. Цзян Тянь стоял прямо в полосе тени. Он был высоким, с четким, свойственным юности силуэтом, но при этом не казался излишне щуплым. Он носил рюкзак на одном плече, зацепив ремешок большим пальцем, и все время смотрел куда-то в сторону.

Он повернул голову лишь тогда, когда Шэн Миньян подтащил к нему сына, и тут же состроил такое лицо, будто наелся прокисшей каши.

Видя такое недовольство на чужом лице, Шэн Вану стало чуточку приятнее.

— Моя вина, как старший я совершенно не справился со своими обязанностями. Только сейчас узнал, что Сяо Тянь тоже учится на втором году старшей школы в лицее, и вы двое в одном классе! — Шэн Миньян обнял сына за плечи и выдернул Шэн Вана, пытавшегося прирасти к месту, на шаг вперед. — Выходит, вы сегодня днем уже виделись?

Ему оказалось мало взаимодействия с родным сыном, он еще и поднял взгляд на Цзян Тяня, как будто тот собирался ему отвечать.

Цзян Тянь, разумеется, проигнорировал его.

В мгновение ока Цзян Тянь стер с лица все эмоции, вновь напустив на себя холодный вид, и посмотрел на Шэн Вана так, словно видел его впервые в жизни.

— Сяо Тянь, — тихо позвал кто-то.

Услышав мягкий женский голос, Шэн Ван только сейчас вспомнил, что помимо Цзян Тяня здесь присутствовал еще один, куда более важный человек...

Цзян Оу стояла рядом с сыном. Она была одета просто и неброско, что разительно отличалось от того образа, который рисовал себе Шэн Ван. Для женщины она была довольно высокой, но все равно казалась значительно ниже Цзян Тяня. На таком контрасте она выглядела совершенно безобидной, излучая ауру кроткой мягкости и приветливости.

Она слегка потянула сына за руку и негромко произнесла:

— Сяо Тянь? Дядя Шэн задал тебе вопрос. Вы с Сяо Ваном одноклассники, уже виделись?

Цзян Тянь отвернулся, на его переносице мелькнула быстрая складка — в это мгновение на его лице проступило инстинктивное нетерпение и отторжение. Но в конечном итоге он не выдержал взгляда родной матери. Поупиравшись немного, он повернул голову обратно и равнодушно бросил:

— Я спал весь день, не обратил внимания.

«Брехня, вот же лжец», — подумал Шэн Ван.

Продолжать этот разговор было бы еще более неловко, поэтому Шэн Миньян вовремя вмешался, чтобы сгладить углы.

— Первый день в новом классе, вокруг столько незнакомых лиц, это нормально. Ничего страшного, побудете вместе подольше и постепенно узнаете друг друга. У вас еще уйма времени впереди, — со смехом сказал он.

Цзян Тянь посмотрел на него с ничего не выражающим лицом, провел большим пальцем по

лямке рюкзака и чуть подтянул его вверх. Судя по его виду, казалось, что в следующую секунду он просто развернется и уйдет.

И действительно, он приоткрыл рот и тихо произнес:

— Я пойду...

— Давай сначала поужинаем вместе, хорошо? — в мягком голосе Цзян Оу проскользнула толика осторожности, и прозвучало это почти как мольба.

Цзян Тянь:

— ...

Шэн Вану на миг показалось, что он увидел, как душа под этой оболочкой яростно трепыхнулась пару раз, а затем со вздохом, полным подавленного смирения, улеглась обратно.

Наблюдать за этим спектаклем было довольно забавно, и он даже немного злорадствовал, но в следующую секунду веселье как рукой сняло. Цзян Оу, справившись с сыном, повернулась и улыбнулась ему.

Это был первый раз, когда Шэн Ван смог как следует рассмотреть лицо этой женщины. В тот момент, когда она улыбнулась, он вдруг понял, что ее черты наполовину схожи с чертами его покойной матери.

Возможно, свет размывал контуры, а возможно, дело было в таких же неглубоких ямочках в уголках губ.

Или, быть может, прошло слишком много времени, и как бы он ни старался удержать образ в памяти, черты родного человека безвозвратно поблекли, утратили былую четкость и теперь начали сливаться с лицом совершенно незнакомой женщины...

— Сяо Ван? — неуверенно позвала его Цзян Оу.

Шэн Ван вздрогнул и пришел в себя. У него внезапно пропало настроение даже изображать вежливость, и он буркнул:

— Пап, у меня живот болит. Я пошел наверх.

— Эй, погоди, а ужин? — Шэн Миньян попытался схватить его, но не успел. — Мы же договаривались. Неужели ты не окажешь отцу даже такую малость уважения?

Шэн Ван нырнул в дверь с рюкзаком в руке и, не оглядываясь, бросил:

— У твоего сына завтра экзамен по пяти предметам, из которых он не изучал ни одного. Какая к черту еда, времени вообще нет!

Домработница подала ему тапочки. Шаркая ими по ступенькам, он поднялся наверх и на повороте не удержался — выглянул в окно. Они все еще стояли внизу во дворе, и Шэн Миньян что-то говорил Цзян Оу.

Наверняка объяснял, что у его сыночка просто замашки молодого господина, сводил все в шутку и просил не брать в голову.

Цзян Тянь все еще был в плену у матери, державшей его за руку, не имея возможности уйти. Он безучастно стоял в тени, а свободной рукой держал телефон и, опустив голову, листал что-то на экране.

Проведя пальцем по экрану всего пару раз, он словно что-то почувствовал и резко поднял голову, посмотрев прямо на окна верхнего этажа.

Шэн Ван от неожиданности дернулся, тут же отвернулся и поспешил прочь.

Он повесил на дверную ручку табличку «Не стучать», запер дверь на замок, вставил в уши наушники и выкрутил громкость музыки так, что не услышал бы даже раскатов грома за окном. Только после этого он сел.

Новые учебники ровным рядом лежали на столе, а он, свернувшись в кресле, крутил ручку в пальцах.

Экран лежащего рядом телефона то и дело вспыхивал. Он дождался, пока накопится несколько уведомлений, и только потом потянулся разблокировать его.

В WeChat ему писал сосед по парте из прошлой школы. Этот парень не блистал на экзаменах, но зато был невероятно преданным другом, от природы наделенным благородством в духе славных героев. Шэн Вану часто казалось, что он пришел не в школу учиться, а примкнуть к разбойникам на горе Ляншань. От третьего до первого года старшей школы — он был на короткой ноге с любым живым человеком.

Анисовый Краб: [Экзаменационные билеты за прошлый семестр по математике, физике и химии? На фига они тебе? Босс, да ладно... только же летние каникулы начались, а ты уже засел за учебу?]

Анисовый Краб: [Погодь, что-то не сходится. Зачем тебе для повторения итоговые экзаменационные билеты?]

Анисовый Краб: [Босс? Ответь хоть что-нибудь.]

Анисовый Краб: [Брат Шэн?]

Анисовый Краб: [Староста! Ну ладно, не скину фотки билетов — так и будешь игнорить.]

Шэн Ван, продолжая крутить ручку, набрал ответ одной рукой.

В банке: [Я только что увидел.]

Анисовый Краб: [Ври больше. Тебе просто лень, влом набрать даже лишнее слово, вечно ждешь, пока накопится куча сообщений, чтобы ответить на все разом.]

Анисовый Краб: [Вот видишь, опять копишь.]

Анисовый Краб: [Ладно, ты красавчик, тебе виднее. Билеты я тебе достал: по математике, физике и химии, по одному варианту, так? А по языку и английскому почему не просишь? Что за дискриминация предметов?]

В банке: [Сам ты дискриминатор. Как я за одну ночь осилю столько всего? Нужно уметь расставлять приоритеты.]

Анисовый Краб: [Чего-чего? За одну ночь? Ты там чем вообще занимаешься? И еще: ты же обычно настолько ленив, что если можно скинуть голосовое, в жизни не будешь печатать. Что сегодня нашло? Целых два предложения ручками набрал.]

Шэн Ван цокнул языком, держа палец над клавиатурой. Он окончательно сдался и записал голосовое:

— Потому что я только сегодня приперся в эту проклятую школу, а завтра у меня уже еженедельный экзамен по всему материалу первого семестра второго года. Если я прямо сейчас не начну молиться всем богам зубрежки, завтра получу нули по пяти предметам. Родной язык и английский уже не потянуть, придется полагаться на удачу. А вот с математикой, физикой и химией еще можно предпринять предсмертную попытку выкарабкаться.

Анисовый Краб в ответ прислал ему восемь стикеров с озадаченным темнокожим парнем и вопросительными знаками, а затем без лишних слов скинул фото трех билетов, сопроводив их голосовым сообщением:

— Не, я не понял. Решив по одному билету на предмет, ты много баллов не наскребешь, так? Не могут же они всунуть в экзамен точь-в-точь эти же самые вопросы.

Шэн Ван:

— А кто тебе сказал, что я собираюсь их решать?

Анисовый Краб:

— А что тогда?

Шэн Ван:

— Пробежусь по билетам и выделю главные темы пропорционально баллам. Задания в разных провинциях сильно отличаются, но основные и самые сложные темы примерно одинаковы. Я посмотрю, за какие блоки дают больше всего баллов, и сегодня вечером сделаю упор на них — так соотношение цены и качества будет повыше.

Анисовый Краб:

— А так можно было?

Шэн Ван:

— Я же говорю: предсмертные конвульсии.

Анисовый Краб:

— А с остальным что делать?

Шэн Ван:

— Как повезет.

Отправив эту фразу, молодой господин вдруг ощутил щемящую горечь. Он скитался по свету шестнадцать с половиной лет, и вот дожил до дня, когда на экзамене приходится полагаться на

волю судьбы.

Поразмыслив немного, он снова спросил Краба:

— Как там звучала эта твоя считалочка для угадывания ответов?

Анисовый Краб:

— Ой, погоди. Я записал ее на первой странице тетради, сейчас сфоткаю. Господи, дожить до момента, когда ты пользуешься считалочкой для угадывания — это просто всенародный праздник!

В первом часу ночи Шэн Ван наконец разобрался с химией и физикой. Глаза слипались и немного саднили, но еще сильнее саднило в животе — он умирал от голода.

Сделав пару кругов по комнате, он проверил три своих тайника со снеками, но нигде не обнаружил никаких запасов, поэтому ему не оставалось ничего иного, кроме как открыть дверь.

Как и ожидалось, на двери висел стикер. Надпись гласила, что в холодильнике лежит вымытый красный виноград, на кухне томится горячая куриная каша с грибами мацутаке, а больше ничего на ночь есть не стоит, чтобы не получить изжогу.

Записку оставила домработница. Шэн Миньян часто не ночевал дома, и без присмотра старших Шэн Ван вечно питался как попало. Каждый раз, когда домработница не могла достучаться в его комнату, она оставляла что-нибудь подходящее для ночного перекуса, чтобы ему было удобно спуститься и заморить червячка. Со временем это превратилось в негласную традицию.

Судя по расписанию Шэн Миньяна, он в это время наверняка уже спал.

Шэн Ван даже тапочки надевать не стал, совершенно бесшумно спустившись вниз в одних носках. Не успел он открыть холодильник и сунуть туда голову в поисках еды, как услышал за стеклянной дверью террасы низкий голос Шэн Миньяна.

Он замер, а затем, обнимая миску с виноградом, подкрался поближе. Шэн Миньян разговаривал с кем-то по телефону. Одной рукой он держал трубку, а другой потирал переносицу; выглядел он смертельно уставшим, но голос его звучал очень мягко.

— Я узнавал насчет школьного общежития, — говорил Шэн Миньян своему собеседнику, — подать заявление можно только после официального начала занятий. Боюсь, Сяо Тянь пока не сможет туда переехать, даже если захочет.

— Да, лучше пока поживите здесь.

— На самом деле, я буду только счастлив, если вы останетесь здесь надолго. Послезавтра утром мы с Сяо Чэнем приедем, чтобы перевезти твои вещи. Можешь передать Сяо Тяню, что этот дом симметричен с обеих сторон: в каждой половине есть своя спальня, гостиная и ванная. Пусть считает, что мы просто снимаем дом наполоам, только кухня общая.

Виноградина застряла у Шэн Вана в горле, от удушья у него даже кончики ушей покраснели.

Он предвидел, что после этого ужина те двое быстро переедут к ним насовсем, но не ожидал, что настолько быстро. настолько быстро, что за одну ночь ему приснилось целых три кошмара.

Ему снилось, что за ним гоняются пустые экзаменационные бланки, потом гонится собака, а потом — Цзян Тянь.

Расписание еженедельных экзаменов в лицее было воистину садистским: пять предметов в один день, начиная с семи утра и до девяти вечера. Первым шла математика — видимо, для того, чтобы помочь им взбодриться и прочистить мозги.

Учитель-наблюдатель стоял у доски, отсчитывая билеты. Разделив их на несколько стопок по рядам, он велел ученикам с первых парт передавать их назад. Сидящий впереди Гао Тяньян вытащил один бланк, протянул остальные Шэн Вану и заодно поинтересовался:

— Ну и что планируешь делать?

Шэн Ван нервно усмехнулся:

— Расслабиться и получать удовольствие. В крайнем случае, везде выберу вариант «С» — так хоть пару гарантированных баллов наскребу.

— Ты... — Гао Тяньян бросил на него взгляд, открыл было рот, но под пристальным взглядом учителя-наблюдателя молча захлопнул его и сел прямо.

«Что "ты"?».

Шэн Ван на секунду озадачился, но уже в следующее мгновение понял, почему у Гао Тяньяна было такое выражение лица. Быстро пробежавшись глазами по билету, он обнаружил, что...

В математике! Вообще! Нет! Тестовых вопросов!

Пока он сидел в полном оцепенении, кто-то дважды ткнул его в плечо, и сзади раздался низкий голос Цзян Тяня:

— Можешь попробовать вписать «С» во все четырнадцать заданий с пропусками.

— ...

«Ты больной, что ли?».

Шэн Ван обернулся и просверлил его взглядом:

— Как хочу, так и вписываю. Тебе какое дело? Еще и тыкать меня вздумал.

Цзян Тянь посмотрел на него и внезапно раскрыл ладонь:

— Я ткнул тебя, чтобы спросить: ты до каких пор собираешься зажимать мой билет?

Шэн Ван опешил:

— ...Ой, забыл.